

На дворе октябрь. С его приходом оживились театральные подъезды. И старые афиши гастрольных сценических коллективов «погребены» под свежими афишами собственных театров, открывших новый театральный сезон.

Каким он будет, что принесет, чем осветит нашу мрачнопроблемную жизнь? Ведь при всех катаклизмах — масштабных и малых — искусство призвано если не спасать, то уж лечить непременно. Известно, в каждом человеке природа всходит либо злаками, либо сорной травой: важно своевременно поливать первые и истреблять вторую. Искусство в качестве садовника здесь не на последнем месте.

Если человек уходит со спектакля нисколько не затронутый им — значит, театральный коллектив не решил свою сверхзадачу.

С этими мыслями я и пришла на беседу с художественным руководителем Академического русского театра драмы имени М. Ю. Лермонтова Р. С. АНДРИАСЯНОМ.

— Рубен Суренович, помните, три года назад, также в начале театрального сезона, мы начали нашу беседу с радостной приметы в жизни вашего театра, когда почти на каждый спектакль у главного входа в Лермонтовский слышалось: «Есть лишний билетик?». И мой естественный тогда вопрос: «За счет чего такое счастливое реноме?». В ответе вы выделили три наиболее существенных момента: момент творческого состязания, когда театр для постановок приглашает интересных режиссеров со стороны, способных привнести в жизнь театра, а значит, и для зрителей, элемент повышения интереса. Второй — оздоровление атмосферы в коллективе, когда от дразг, длившихся не один год, люди повернулись к истинному творчеству. И, наконец, экономический фактор, вытекающий из работы в эксперименте — в новых условиях хозяйствования. Итак, спустя три года что изменилось и в какую сторону?

— Изменилась прежде всего сама жизнь, стала беспощаднее, жестче... Три года в наше быстро меняющееся время срок довольно большой. Мы, по сути, оказались в другой стране: с незнакомыми, непривычными и зачастую непредсказуемыми правилами «игры». Внутренней комфортности, душевного равновесия это не прибавило никому, а театр — это модель жизни, ее слепок. Если три года назад мы были счастливым исключением, то где-то с весны спад зрительского интереса. Нас это не удивляет: жизнь сегодня оставляет человеку слишком мало места для интереса к искусству... Все это, конечно, усложняет стоящие перед нами задачи. Мы ведь тоже не знаем ответов на многочисленные загадки жизни. Мы тоже лишены равновесия и четкого видения перспективы, как и вся страна.

Нас держит, пожалуй, одно — понимание непреходящего значения нашей профессии. Через какие бы катаклизмы ни проходило то или иное общество, как бы ни затухал и ни возгорался интерес к искусству — театр был всегда. Зеркало нужно людям, даже если шарахаешься от своего изможденного отражения. Этому есть подтверждение и в сегодняшнем дне нашего театра: количественно зритель становится меньше, но не меньше становится взаимопонимания между сценой и зрительным залом.

Что еще изменилось? Прежде всего требования к репертуару. Меняется жизнь, меняется место театра в жизни. Было время, когда мы были беспощадны к нашему зрителю, хо-

Казахстанская правда, — Азия-Ата — 1991. — 26 окт., — С. 6

ПО СЮЖЕТУ ВРЕМЕНИ

тели растормошить, разбудить его. Сейчас все мы нуждаемся в надежде, сочувствии, «свете в конце тоннеля», в консолидации. Это все и сказывается на нынешней направленности репертуара.

Что касается организационных вопросов, то и тут обстоятельства продиктовали изменения в нашей театральной политике. Сложно становится заинтересовать (даже материально) приглашением на разовую постановку. Поэтому впервые за много лет работы театра у нас заполнен весь штат режиссеров и художников. Приглашены на постоянную работу в театр уже известные алмаатинцам режиссер Юрий Коненкин, поставивший в прошлом сезоне «Калигулу» А. Камю, и художник Роберт Акапов, творческое сотрудничество с которым у театра началось еще в 1972 году.

Время предлагает театру и новые экономические условия. Так, дотация театру от государства увеличилась в три с лишним раза. Мы понимаем, что это в нынешних условиях предел возможностей республики. Но в то же время кубометр пиломатериалов для декораций за эти три года вздорожал раз в десять. И так со всем, начиная от рекламных услуг и кончая метром любой ткани, которую еще и невозможно достать.

Что касается наших доходов, то если три года назад мы имели тенденцию к повышению цен на билеты, то сейчас от этого отказались, так как вопрос сохранения зрителя стратегически важнее, чем лишний заработанный рубль.

У нас уже появились первые спонсоры: корпорация «КРАМДС», общество «ДЕЛШ ЛТД». Но это шаги все еще робкие, ибо наши законодатели, к сожалению, не смогли создать механизм, стимулирующий спонсорскую деятельность. Да и сами наши зарождающиеся магнаты, похоже, не очень понимают, зачем им нужно вкладывать деньги в искусство. За рубежом это не только выгодно, но и престижно. Там давно ощутили связь между творческой активностью и свободой любого театра, симфонического оркестра и т. д. с нравственным здоровьем нации, обеспеченностью высоких духовных потребностей. Однажды меня спросили: это что же — чем больше театров,

тем меньше бандитизма? Схема грубая, но в принципе — да! Чем больше духовного, тем здоровее общество. И как бы ни было трудно, фундамент этого нравственного здоровья нужно закладывать сегодня.

— Новый театральный сезон открылся в нашем (нашем) театре «Испанским священником». Позволю себе перечислить постановки последних лет с тем, чтобы задать «провокационный» вопрос. На память: «Мера за меру», «Собачье сердце», «Звезда на утреннем небе», «Прощай, Иуда!», «Факультет ненужных вещей», «Авантюристка», «Поминальная молитва»... Шекспир, Булгаков, Домбровский... Классика и современная советская и зарубежная драматургия. Есть истина, которая всегда на поверхности, одна из важнейших составных частей театра — традиции, в том числе — репертуар. Какие традиции несет на себе нынешний? Что формирует ныне афишу?

— В общем я уже ответил на этот вопрос. Формирует время. Мы живем в данном обществе и реагируем на все так, как понимаем процессы, происходящие в нем и с нами. Категорически не могу согласиться с упреком в «пестротности» нашего репертуара. Названные вами произведения Шекспира, Булгакова, Домбровского, Галина, по сути дела, разрабатывают одну и ту же проблему: власть и человек, личность. Самую на сегодняшний день болезненную проблему нашего общества. А то, что они делают это по-разному, — в этом прелесть и неповторимость авторов, что, по моему, и привлекает.

Появление «Испанского священника» тоже связано со временем. Мы все так политизированы, так зашорены проблемами, что нормальные, природные проявления кажутся нам второстепенными. Эта мысль заложена уже в прологе спектакля, и нам очень бы хотелось, чтобы он возбуждал аппетит к жизни.

— Слышала, в вашем театре упразднен... художественный совет! Это что-то из ряда вон выходящее: сколько помню, художественный совет был в труппе за тот барьер, которым она ограждала себя от диктата главного режиссера. Что же произошло и чем это «грозит»: благом или новыми проблемами? Какими и для кого?

А может, благостный принцип: «инакомыслие — это вслух сказанная правда» вдруг взяла и прижилась в театре безо всяких общественных надстроек?..

— Это было неожиданностью и для меня. Я «вышел» на собрание творческого состава театра в связи с истечением срока полномочий предыдущего состава художественного совета. Прикидывая заранее возможный исход собрания, допускал вариант: «Назови сам команду, мы доверим». Но на собрании родилась идея, за которую проголосовал весь коллектив: художественный совет не нужен, доверимся художественному руководителю. Меня это ошело-

вило прежде всего огромной ответственностью, которая целиком теперь ложится на меня. Этот кредит доверия нужно оправдать. В итоге мы договорились, что попробуем пожить без художественного совета два года, а затем соберемся и проанализируем, как лучше — с советом или без него.

— Рубен Суренович, хочу повторить свой комплимент вам: вы не боитесь «соперничества» и приглашаете на постановки режиссеров со стороны. Вспомним Л. Белова из Новосибирска, Е. Кучера из Москвы, Л. Архипова из Петропавловска... Среди их постановок — немало удачных, популярных у зрителей и получивших хорошую оценку специалистов. И сегодня в театре очередные режиссеры работают «не под вас», самостоятельно в буквальном смысле: Лымаев (условная характеристика) — традиционалист, Коненкин — экспериментатор... И уживаетесь творчески неплохо. В чем тут секрет? И что в перспективе? Назовите конкретно постановки, которые в портфеле и уже в репертуарной стадии. И кем они будут осуществлены?

— Представляю, как усмехнутся Лымаев и Коненкин, прочитав эти определения. Художник, если он художник, — это всегда неожиданность. Завтра «экспериментатор» поймет и почувствует новую пьесу, как «традиционалист», и наоборот... Я бы тут не зарекался.

Мне интересно работать с людьми творчески состоятельными. Секрета в этом нет, а есть — здравый смысл и «жизненная опытность», как говорит Преображенский у Булгакова. Нас, я имею в виду режиссуру театра, объединяет понимание профессии и взаимно уважительное отношение.

Что касается ближайших планов: «Три сестры» Чехова; Юрий Коненкин завершает работу над комедией американского драматурга Дж. Кессельринга «Мышьяк и старинное кружево». Вячеслав Лымаев, выпустив «Рохлю» М. Ашара, обратится к драматургии более интимной, на малый зал...

— Проблема режиссерских кадров всегда была острой для театров — нашей республики. Что вы, как председатель совета по режиссуре Союза театральных деятелей Казахстана, можете сказать о ней сегодня?

— На прошлом пленуме СТД я пытался ударить в колокола

Театр. Диалог в начале сезона

как можно громче. К сожалению, не был услышан. Многие театры по-прежнему страдают без режиссуры. Мне кажется, что очень многое тут зависит от политики областных комитетов по культуре и вообще от областных властей. Когда мы совместно с отделом театров Госкомкультуры пытаемся рекомендовать режиссеров в областные театры, то попадаем в какую-то «вату». С одной стороны — режиссеров нет, а с другой — очень не спешат их взять, когда они есть. Понятно, что в наше сложное время режиссер, художественный руководитель в определенном смысле даже мешают. Тут дай Бог концы с концами свести, а он со своими творческими соображениями совершенно нехотит. Поэтому иному председателю облкомитета, директору театра без главных режиссеров даже удобнее. Пригласили разовика, дали ему нужную пьесу, он поставил и уехал — слава Богу, никаких претензий, а спектакль можно прокатывать в любых, самых невероятных, условиях...

С кого теперь спросить за разбежавшийся, некогда один из ведущих, Карагандинский казахский театр имени С. Сейфуллина? Что можно подумать о Семипалатинском облкомитете, если там русский театр давно привычно сиротеет без главного, а в казахском почти двадцать лет проработавший там народный артист республики Е. Обаев заявляет на пленуме, что ему впору уезжать оттуда? Совершенно безотрадную картину представляют театры Джамбула. И, что удивительно, во главе облкомитета по культуре в последние годы находится, казалось бы, театральный человек — А. Амзеев! Но именно при нем начались там гонения на режиссуру. Изгнан всеми правдами и неправдами интересно работавший Е. Уразымбетов, сломалась его судьба, его семья, равно как и А. Кулданова, опытного режиссера, готового возглавить театр, но вынужденно переехав в Чимкент.

Все мы радовались направлению в Джамбул главным молодого А. Дюсебаева. Не пришедя. Уже через несколько месяцев грозный председатель облкультуры шлет в театр комиссию — расследовать творческую деятельность главного режиссера. Да я, при своем опыте, могу отвечать за театр как

минимум года через три после начала работы в нем, а тут в конце первого сезона коллегия облкомитета по культуре выносит молодому режиссеру обвинительный вердикт. Но это же бесконечно может продолжаться! А театра, некогда интересовавшего нас своими спектаклями, уже не видно и не слышно. Не веселее и в Джамбулском русском театре...

Этот скорбный список можно было бы продолжить. Должна быть личная ответственность людей, приведших театры в такое состояние.

— Мы говорили в основном о театре в целом. А мне под занавес нашей беседы хотелось бы задать вопрос, относящийся лично к вам: приоткройте свое режиссерское «я». Анатолий Эфрос предостерегал причастных к вашей профессии от двух ошибок. Первая — это когда берется пьеса, начинаются репетиции, поиск каких-то художественных средств, достигается в конце концов определенный уровень исполнения, а толкование остается общим, и эта торическая пустота в итоге оставляет зрителя равнодушным, скажем так, к сюжету времени и действию.

Вторая: когда все готовы до бесконечности разбираться в существе и мало уделяя внимания тому, что связано со сценическим решением материала.

Возможно, ни та ни другая ошибки вами не «управляют». Тогда как вы, выбрав пьесу, «управляете» ее постановкой? Вопрос, согласитесь, не просто из праздного любопытства. Он вытекает из долгого вашего пребывания в профессии режиссера и столь же долгого знакомства с вашим творчеством зрителей, для них вы не только лицо, возглавляющее театр, но и создающее спектакли.

— Это не вопрос, а праздник. Редко задают «творческие» вопросы, все больше интересует закулисье.

Я отношу себя к категории режиссеров, не утративших право на авторство в спектакле, стараюсь не подавлять инициативу других создателей и участников спектакля своим творческим диктатом. Да, режиссер — первый, но среди равных. Первый уже потому, что выбирает и трактует пьесу, распределяет роли. Поэтому слово «режиссура» в методологическом смысле я понимаю прежде всего как — провозвация. В профессии я это слово очень люблю. Я должен спровоцировать актеров, художников, музыкантов, всех так называемых технических работников сцены на сотрудничество в нужном для будущего спектакля русле. Руло определяется мною, что не исключает коррекции в процессе рабочего общения со всеми. Мар Владимирович Сулимов, долгое время возглавлявший наш театр, любил говорить, что успех или неуспех спектакля зависит прежде всего от количества жизненных догадок. Это очень верно. Поэтому отмахиваться от верной догадки только потому, что она не твоя, просто неадекватно.

Рифы, названные Эфросом, — не единственные в нашей работе: мы люди эмоциональные, и нет среди нас хладнокровных лощманов, умеющих всегда их обойти. Но когда это удается — наступает редкий праздник и у нас, и у зрителей.

Беседу вел
С. ЯГМУРОВА.